

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВОСТОК И ЕВРЕИ В КНИГЕ ИСАИИ

Книга, известная в Библии под именем Исаии, не представляет собою единого целого. Она состоит из нескольких частей, принадлежащих разным авторам, жившим в разное время. Однако первую часть ее (гл. 1—33 за вычетом гл. 24—26 и, вероятно, еще нескольких вставок) можно с полной достоверностью приписать крупнейшему художнику слова — Исаии, сыну Амосову, с именем которого был связан и более поздний материал, вошедший в состав этого памятника. По своим литературным достоинствам, образности, пластичности, яркости поэтических и прозаических отрывков эта первая часть имеет право на место в ряду величайших памятников мировой литературы.

Вдохновенный поэт — в то же время тонкий наблюдатель жизни и реальный политик. У него есть определенная точка зрения на взаимоотношения держав Востока, а в связи с этим и на международное положение Иудеи и ее внешнюю политику.

Исаия откликается на исторические события своего времени: войны, осады, набеги, взаимные притязания государств находят поэтическое отображение в его творчестве. Бытовые явления он рисует как бы мимоходом, но яркими красочными словами; это наброски, полные живого трепета жизни.

Вторая половина VIII века отмечена главенством великой Ассирии на Аравийском полуострове. Мелкие государства постоянно волновались и стремились к ослаблению своей грозной соседки. В 734 г. мы видим разразившуюся сиро-ефраимскую войну. Эта война, повидимому, связана с образованием против Ассирии коалиции из Израиля, Сирии, финикийцев (г.г. Тир и Сидон) и арабской царицы Шамси. Иудея, возглавлявшаяся в то время Иотамом, уклонилась от участия в этом союзе, за что и пришлось с ней рассчитывать Рецин Дамасский и Пеках Израильский. Молодой Ахаз, сменивший Иотаму, решил просить помощи у Ассирии. Против этого с особенной горячностью и восстал Исаия, который не считал положение угрожающим; он насмешливо называет Рецина и Пекаха концами дымящихся головней (7, 4); гораздо более опасной кажется ему возможность, предоставляемая Ахазом Ассирии

для ее вмешательства в дела Иудеи. Исаия правильно учитывал, что и без заявлений Ахаза для Тиглат-Пелизера, при первом случае, встанет вопрос о необходимости наказать Сирию и Израиль, что он и сделал в 734—32 г.г.; непосредственная же связь с Ассирией грозила привести к целому ряду осложнений, вплоть до того, что Иудея могла сделаться местом борьбы за преобладание на Аравийском полуострове между Египтом (мухой конца рек Мицраима—7, 18) и Ассирией (пчелой, которая в земле Ашур—7, 18).

Насколько трезво учитывал Исаия всякое изменение международного положения, видно из того, что 30 лет спустя он занимает относительно Ассирии другое положение. За эти 30 лет Саргон смирил сначала Самарию (722 г.), потом и Асод (711 г.). Когда в 705 г. Саргона сменил его сын Санхериб, вокруг Ассирии опять все пришло в движение, — в Вавилоне поднял восстание Меродах-Баладан, а окрепший Египет организовал коалицию на Аравийском полуострове. Склониться к ней и избавиться от претензий Ассирии представлялось большим соблазном для Иудеи. Немногочисленная партия во главе с Исаией пыталась противиться этому союзу с Египтом; 2-ая кн. Царств сохранила нам рассказ о послании Меродаха-Баладана к Иезекии, и характерно при этом, что Иезекия, зная Исаию за противника сношений с врагом Ассирии, старается скрыть происшедшее: на вопрос Исаии, что за люди к нему приходили, Иезекия отвечает уклончиво (II кн. Цар. 20, 12 и след.). Как реальный политик действует Исаия и в тот момент, когда, вопреки его стараниям, Иудея становится в ряды коалиции, и в результате страна оказывается наводненной ассирийцами (701 г.). Он начинает утешать и поддерживать мужество в упавших духом согражданах. Самого Иерусалима Санхериб не взял, — в его войске появилась какая-то повальная болезнь (нечто в роде чумы), которая побудила его прекратить наступательные военные действия. Эта библейская версия подтверждается и известиями из клинописных источников; на так называемом Тэйлоровском цилиндре (теперь составляющем собственность Британского Музея) сохранился рассказ о походе Санхериба на Иерусалим. Он хвастает тем, что забрал 46 укрепленных городов, множество пленных, как мужчин, так и женщин, старых и молодых; „его самого я запер, как птицу в клетке — в Иерусалиме, в его резиденции“, — таким образом о взятии самой столицы Иудеи и здесь нет речи.

Внешняя политика Иудеи, в которой Исаия принимал живое участие, дает нам не только хронологическую канву его биографии, но и представление о нем, как человеке с большой инициативой, с интересом и чутьем к действительности и стремлением к отстаиванию своих взглядов. Свои впечатления Исаия передавал в художественной форме. Его политические симпатии и антипатии находят меткие характеристики. С шумом многих вод морских, которые бьются и рокочут, сравнивает он шум и грохот, с которым продвигаются и наступают войска (13, 4). Описание грозной военной силы в 5 гл. (ст. 26 и далее) имеет в виду, конечно, ассирийское войско, а не коммерсантов, — в этом согласны все комментаторы. „И подаст он знак далекому народу (в еврейском тексте множественное число), и присвистнет с конца земли, и вот

придет быстро и легко; нет усталого и нет отстающего среди него, нет спящего и дремлющего, пояс не развязывается на их боках, и ремень не рвется на сандалиях, стрелы их заострены, и каждый лук натянут. Копыта коней их подобны кремню, а колеса, как буря. Вой его, как вой львицы; воет, как львенок, и ревет. хватает добычу и уносит, и нет спасителя“ (5, 26).

Имея такую стойкую военную опору, Ассирия могла быть гордой и независимой, а завоевательные стремления ее царя как будто не имеют предела: „Разве мои ставленники не цари, разве Каркемиш не Карно, разве не как Арпад Хамат, и разве не как Дамаск—Самария? Как рука моя протянулась к государствам идольским, так будет и с изображениями Иерусалима и Самарии; и разве не так, как я поступил с Самарией и ее богами, поступаю я и с Иерусалимом и его изображениями?“ (10, 8, 11). И далее еще пышнее расцветает эта хвастливая речь: „Силою руки моей я делаю это и своей мудростью, потому что я рассудителен, я удаляю границы государств, опустошаю их запасы... И схватит рука моя имущество народов, как гнездо; как схватывают оставленные яйца, так схвачу я всю землю, и нет никого, кто бы затрепетал крыльями, раскрыл рот и запищал“ (10, 13, 14). Тем больше радости может доставить Исаии падение гордого Ашура; сохранившаяся песнь его на смерть Ассирийского царя, вероятно, имеет в виду Саргона (ум. 705 г.). В этой насмешке вылилась вся тяжесть положения наций и та радость, которую они чувствовали, когда наступила возможность освободиться от этого вечного давления извне. „Тогда ты подымешь эту песню на царя Ассирийского и скажешь: как не стало притеснителя, прекратилось притеснение... разбил Иагве трость злодеев, палку властителей, которая ударяла народы в гнев, поражая без перерыва, подчиняя в гнев народы, преследуя без передышки. Покоится, отдыхает вся земля, радостная песнь разражается в ликовании; радуются также и кипарисы, и кедры ливанские: с тех пор как ты улегся, не подымается больше срезающий нас. Шеол¹⁾ внизу заволновался о тебе, навстречу твоему приходу привел в движение тени всех главарей земли, поднял со своих престолов всех царей народов; все обращаются и говорят тебе: „И ты стал бессильным, как и мы, стал подобным нам, в шеол низведено твое величество, звон твоих арф; твое ложе — гниль, а покрывало — черви“ (14, 4—11). Гордый представитель Ашура, мучитель и преследователь народа спускается в царство теней, сам как бессильная тень. Его встречает насмешка собратьев, теперь он стал подобен всем и никому не внушает страха. Заносчивость и претензии Саргона, завоевательные набеги вызывают резкое осуждение Исаии и насмешку над незавершенными планами. „Видящие тебя, смотрят на тебя, рассматривают: „Это человек, который приводил в волнение землю, в дрожь царства, уподобляя вселенную пустыне, разрушал города, не отпускал своих пленных“. Все цари земли, все покоятся с честью, каждый в своем доме (гробнице), а ты брошен далеко от твоей гробницы, как презираемый отпрыск...“ (14, 16—19). „Ты не будешь соеди-

1) Подземная область, в которой по представлению иудеев пребывали умершие.

нен с ними в погребении, потому что ты осквернил свою землю и погубил народ, и не будет названо семя злодея вовеки“ (14, 20).

Так говоря о грозном Ашуре, Исаия умеет давать и другие характеристики; в Самарии он видит страну, погибающую в пьяном исступлении; ее гордость — гордость пьяницы, обреченная на гибель и на смерть. В другом тоне ведет он речь о Египте; это стилизованное описание мирной жизни, такое же яркое, как и описание военной мощи Ашура. Ведь Египет — второе крупнейшее государство на горизонте Исаии, так как венцом его желаний является Израиль в положении третьей крупной державы и вершительницы судеб в ряду с Ашуром и Мицраимом (19, 24). В представлении Исаии Египет — страна, „посылающая по морю послов в папирусных ладьях ¹⁾ по поверхности вод (18, 2); такие послы доплывали и до Иудеи, чтобы предложить союз против Ассирии, и Исаия, как бы отсылая этих послов обратно и не желая для Иерусалима этого союза, продолжает свою характеристику дальше: „Идите, легкие послы, к народу рослому и полированному (т. е. с гладкой, блестящей кожей), к народу, которого боятся вблизи и далеко за пределами, народу мощному и топчущему (врагов), землю которого прорезывают реки“ (18, 2).

Не веря в целесообразность помощи Мицраима, он убеждает своих сограждан отказаться от этой затеи (31, 1 — 3): „Горе отправляющимся за помощью в Египет; надеясь на коней, доверяются они колесницам, так как их много, и всадникам, так как они бесчисленны... египтяне — люди... а их кони — из плоти“. Эта ненадежная опора может легко уступить: „и сломится защитник, и падет подзащитный, и погибнут оба вместе“.

Исаия изображает свою угрозу осуществленной над Египтом в такой форме, которая дает представление о том, как он мыслил себе хозяйственную и трудовую жизнь этого государства, связанную с великим Нилом. Характеристика дается краткая, картина набросана крупными мазками, но верно отражает действительность: главное наказание Мицраима будет в том, что воды в Египте иссякнут, а с этим станет и всякая работа. „Иссякнут воды моря, поток будет сохнуть и высохнет; зловонными будут воды, слабыми и сухими Нилы Египта (его дельты), тростник и камыши засохнут, зелень у Нила, у уст Нила и все посеянное у Нила высохнет, развеется, и нет его больше. И горевать будут рыбаки, и плакать все забрасывающие крючки в море, и простирающие сети по поверхности вод загрустят. И смутятся работающие над чесаным льном и ткущие полотно... и все поденщики грустны душой“ (19, 5 — 10). С прекращением орошения погибнет земледелие, зелень, обрамляющая берега великой реки, ее культурные насаждения погибнут. Развитой рыбный промысел, практиковавшийся в Египте крючком и сетью, запечатлен многочисленными изображениями; если б угрозы Исаии осуществились, гибель и этого промысла была бы неизбежна. Упадок всего благосостояния страны отразился бы и на производ-

¹⁾ Легкие ладьи, о которых говорит Исаия, сохранились среди египетских изображений; одну из них можно найти на 95 гробу пирамиды Гизе, времен 5-ой династии, древнего царства, — это легкая лодка для путешествий без весел.

стве тканей, отчего уныние обвело бы „работающих над чесаным льном и ткущих полотно“¹⁾).

Интересно то, что Исаия в данном случае обращает внимание на положение низших социальных слоев страны, ее рабочую силу — поденщиков, рыбаков, ткачей, — это широкая масса, на которой зиждется все благополучие и от состояния которой зависит положение государства.

Египет и Ассирия — два полюса, между которыми мыслит Исаия вселенную, две страны, к которым он относится с одинаковой опаской и вниманием, никогда не забывая их в построении своих международных расчетов. С гордой Ассирией Исаия рассчитался, отправив Саргона в царство теней, где подвергает его насмешкам тех, которые трепетали перед гордым царем при жизни, — способ, которым и великий Данте наказывал своих политических врагов. Личный воинственный характер Салманассара и Саргона вызывал к ним особое внимание, личный почин таких людей в политике не проходил незамеченным. Египет же обращает на себя внимание Исаии, как нечто целое; потому его угроза и касается основного источника богатства всей страны, всего народа — прекращение орошения, засуха, которая и приведет его к полной гибели. Осады, набеги, военные действия были атмосферой, в которой жило сознание того времени, и не только поэтическим образом была Ассирия, хватавшая, как гнездо с оставленными яйцами, целые города, а исторической правдой.

И может быть самым сильным выражением всей сути изменчивых международных отношений является краткий, но полный глубокого отчаяния возглас из Сеира, т. е. от Едома: „Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?“ Для политического состояния Едома наступила глубокая, непроглядная ночь, и в своем отчаянии он только и имеет возможность взывать к стражу Иудеи, чтобы спросить, какая часть ночи прошла, может ли наступить конец этой непроглядной тьме. В ответ слышит он объективный, а потому и полный холодной правды, ответ. „Приходит утро, а также и ночь“, (21, 11, 12), т. е. для одних народов может наступить просвет, для других так и остается темная ночь. Не отражает ли Исаия в этих возгласах, которые он приписал международному положению, быта своего родного Иерусалима, когда темной ночью переключаются сторожа, ожидающие наступления утра?

В его описании мирного периода разворачиваются черты бытовой и социальной жизни в Иудее.

Исаия умеет наблюдать явления и в этой области: в Египте он видит поденщиков, рыбаков, ткачей, отмечает их значение для государства. Говоря об Иудее, он выдвигает целый ряд обвинений против высшего слоя общества. Эти обвинения были вызваны тем переломом в хозяйственной жизни Иудеи, который начался еще в предшествовавшее время, продолжаясь и в I-ой половине VIII века. Нарождающийся высший класс богатеет и начинал объединять в своих

¹⁾ Как производилась эта работа в Египте, мы видим на рисунке западной стороны 2-го гроба Бенигассана, где рядом с фигурами прядущих и ткущих людей стоит старый, жирный человек — надсмотрщик.

руках все большие и большие количества недвижимого имущества — землю и дома. С осуждением обращается к ним Исаия: „Горе прихватывающим дом к дому и присоединяющим поле к полю, так что нет места более, точно вы одни населены среди страны“ (5, 8). Непрерывное захватное движение шло путем покупки, несправедливости, обмана, подкупа в суде; в руках богачей сосредоточивались поместья, в которых велось крупное хозяйство; соперничать с ними слабому и малому хозяйству было невозможно, оно отмирало, для него не оставалось места. Об этом явлении говорят и другие источники. Состоятельный класс делается силой в государстве, потому и действия его не получают соответствующего отпора. Зная пути этих неправедных приобретений, Исаия не останавливается перед тем, чтобы бросить высшему слою общества, „старейшинам“ и „начальникам“ упрек в том, что „награбленное у бедных в ваших домах“ (3, 14); а насилия и притеснения, чинимые ими, вызывают горький возглас: „Как бьете вы народ мой, лица бедных перемолоты“ (3, 15). Это образное выражение объясняет приниженность, зависимость низшего класса.

Богатство в стране растет, „и переполнилась его земля серебром и золотом, и нет предела сокровищам, и переполнилась его земля конями, и нет конца колесницам“ (2, 7). Серебро, как и во всей библии, занимает первое место в перечислении рядом с золотом, — особенность, идущая с древнейших времен. Лошади и колесницы являются предметами роскоши, заимствованными из других стран (см., напр., 2, 6), скорее всего из Египта. Новые привычки, мода близких и дальних соседей Иудеи, начинают проникать и в Иерусалим. Тут уже, конечно, оказывается невозможным обойти женщин; им ставится в упрек не только туалет, но и кокетливая повадка: ходить с высоко поднятой головой, мелко перебирать ногами (стоит только вспомнить описание походки у героев русских былин) и косить глазами. Тщеславие женщин ведет к тому, что они завивают волосы и душатся, а драгоценными украшениями они буквально увешаны. „За то, что гордятся дочери Сиона, ходят вытянув шею и косят глазами, идут семенящим шагом и позвякивают ногами“, за это Иагве отнимет у них „пышность, браслеты для ног, солнышки (повязки) и луночки, серьги, браслеты и вуали, коронки, запястья и пояса, флакончики с духами и талисманы; кольца (с печатью) и кольца (в носу), праздничные платья и туники, плащи и мешочки (кошельки), зеркала, простыни, тюрбаны и накидки, — и будет вместо запаха бальзама — запах гнили, вместо пояса — веревка, вместо завитых волос — плешь“ (3, 16, 18 — 24).

Мужскую одежду времен Исаии мы можем хорошо себе представить, — в длинных одеждах, с рукавами узкого и гладкого покроя изображены на мраморном рельефе дворца Санхериба в Куюнджике иудейские пленники. Особенно хороши послы царя Иеху с дарами, в одеждах и головных уборах во втором ряду барельефов на черном обелиске Салманассара II (860 — 825 г.г. до начала нашей эры). Женская одежда была длиннее, имела тенденцию стлаться по земле. Раскраска одежды хорошо передана на египетском изображении одного сирийского посланца, где чередуются красный и синий цвет; волосы его завиты, и на них надет обруч. Украшения, которыми

пользуются женщины в описании Исаии, напоминают предметы туалета Египта и Ассирии, находимые как при раскопках, так и на изображениях. Для женщин времен Исаии характерно то, что она не содержит себя сама, во всяком случае, если она имеет мужа; по крайней мере, Исаия, угрожая женщинам, говорит, что придет такой день, „когда семь женщин ухватятся за одного мужчину, говоря: мы будем есть *наш* хлеб и одеваться в *свою* одежду, только назови над нами твое имя, сними с нас поношение“ (4, 1). Иначе говоря, эти женщины, так взывающие к мужчине, берутся содержать себя сами, в противоположность нормальному положению вещей, при котором расходы по содержанию падали на мужа, конечно, при условии, что на женщине лежит хозяйственная домашняя работа. В исключительно презираемом положении находились блудницы, оскорбительное сравнение с которыми Исаия кидает в лицо падшему Иерусалиму. В то же время он живо набрасывает сцену из жизни забытой и презираемой блудницы, которая желает вновь обратить внимание и привлечь к себе. Судьба города Тира, историческое значение которого, по его мнению, в прошлом, представляется ему сходным с судьбой такой оставленной блудницы; взяв лиру, она ходит с ней по улицам города, поет и танцует, чтобы напомнить о себе. О Тире будут петь песню, которая имеет в виду забытую блудницу: „Возьми лиру, обходи город, забытая блудница, играй получше, пой побольше, чтобы о тебе вспомнили“ (23, 16)¹⁾.

В женщинах Исаия осуждает распущенность, кокетство, расточительность; мужчин он обвиняет в пьянстве. Этот порок он переносит с презрением на всю Самарию, восклицая: „Горе гордому венцу пьяного Ефрема“. Желая обрисовать несостоятельность высших, руководящих слоев иудейского общества, он, как и в характеристике Тира, уподобляемого им блуднице, прибегает к чисто бытовой сцене пьянства, — все шатаются от вина, от сикеры они отяжелели и не могут найти дороги, обезумели, и язык перестает им повиноваться, самый вид столов, за которыми они пировали, отвратителен (28, 7—11). „Горе готовым с утра искать сикеры и далеко за сумерки разгорячающим себя вином, а лира, арфа, тимпан, флейта и вино — их пиршество“ (5, 11—12). „Горе храбрецам в питье вина и героям в смешивании сикеры, оправдывающим за взятку виновного и отклоняющим от себя правого“ (5, 22—23).

Герои пирушек, сопровождавшихся веселой музыкой, вызывают неудовольствие не только своей разгульной жизнью, но и нарушением долга, неправильным выполнением своих общественных обязанностей. Эти гуляки принадлежат, повидимому, к господствующему слою общества, так как они творят суд, при этом берут взятки и вымогают. Правая сторона, особенно если она представлена слабыми и бедными, вдовой или сиротой, уходит от них, не получив оправдания. Исаия прямо говорит, что начальники

¹⁾ Струнный инструмент, о котором идет речь — „kinnor“ — будет правильно сопоставить с египетским изображением струнного инструмента в руках бедуина (сеμίта) времен 12 династии. В Куюнджикском дворце находится изображение ассирийских музыкантов, также со струнными инструментами, но несколько иного вида, чем египетские.

Иудеи „приятели вора́м, все они любят подарки и ищут мзды, они не защищают сироту, и тяжба вдовы не доходит до них“ (1, 23). Поэтому он и не устает призывать их к праведному суду и справедливости (1, 17).

Характер материала по вопросам международной политики, социального строя и быта Иудеи VIII века в значительной мере определяется той особой литературной формой, которой владел Исаия. Это — речи, обращения, проповеди, но никак не повествования, — живое слово, которое произвольно меняет свой ритм, легко переходит из прозы в поэзию. Такая форма оказалась неподражаемой для позднейшей литературы, оставаясь особенностью библейских книг. Лапидарность, сочность стиля захватывает слушателя, переходы от третьего лица ко второму создают впечатление особой прелести и живости. Исаия говорит, убеждает, поет, кричит и проклинает, он в непрерывном общении со своими слушателями. Сила впечатления передается и современному читателю, через толщу 27 веков.

За речами Исаии встает и его собственный образ умного и осторожного политика, вдохновенного поэта, человека общественного темперамента и отзывчивой души. Всегда готовый на борьбу, с твердым решением в сердце и пламенной речью на устах, он бесстрашно стоит за свое мнение; люди подобные ему „не боятся могучих владык и княжеский дар им не нужен, правдив и свободен их вещий язык“, а потому память о них не предается забвению.